

«КТО ХОЗЯИН?»: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МОДЕЛЕЙ ВЛАСТИ В РАЙОНАХ СИБИРСКОГО МЕГАПОЛИСА¹

Ю.А. Пустовойт

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.8>

Аннотация. Исследование направлено на изучение властных групп в городском сообществе, рассматриваемых в рамках концепции городских политических режимов. Почему и при каких условиях в одном случае формируются режимы, ориентированные на доминирование одного актора, способного менять «правила игры», а в другом возможности политических субъектов ограничены? Методом проверки гипотезы выступает сопоставление и анализ противоположных случаев в двух городах: крупном индустриальном центре Сибири, где был сформирован режим «контроля», и сибирского мегаполиса, где, предположительно, формируется «режим координации»; в двух районах одного города с противоположными социально-экономическими характеристиками и российских городах, близких по структуре промышленности. Полученные данные позволяют предположить, что причина формирования отношений «контроля» опирается как на монопольную добывающую экономику региона, так и на стратегии ведущих акторов.

Ключевые слова: Городской политический режим, элитизм, плюрализм, политическая элита, район, мегаполис, капитал

Быть «хозяином» (в основе этого, предположительно тюркского слова, лежат такие коннотации как «учитель, господин» и «злой дух,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Новосибирской области научного проекта «Кто хозяин? формирование и развитие моделей власти в районах сибирского мегаполиса» №16-13-54003

домовой») значит иметь возможность самостоятельно выдвигать политические, экономические и социальные проекты, добиваться их реализации и контролировать их последствия. Смысл этого понятия несколько отличается от привычного поиска ответа на вопрос Р. Даля «Who Governs?» и означает не определение круга тех, кто обладает наибольшим влиянием на принятие политических решений, а тех, кто контролирует экономическую, политическую и социальную жизнь на определенной территории, имеет возможность распоряжаться свободой и имуществом ее жителей, обязуясь взамен добиваться экономического благополучия, осуществлять опеку и попечительство. В русской культуре слово «хозяин» несет преимущественно комплементарное значение (от николаевского «Хозяин земли русской» к сталинскому прозвищу и характеристикам постсоветских градоначальников («крепкий хозяйственник») и, обычно, означает высшую степень экономической и политической самостоятельности. Заметим, что даже в условиях сложившейся западной демократии на городском уровне возможны близкие феномены господства «политических машин» и «боссов» (тут, конечно, показателен семейный случай «долгого правления» легендарного мэра Чикаго Ричарда Дели и его сына). Тем не менее, если усиление патримониальной локальной авторитарной власти, происходившее во многих странах явление скорее временное (так называемый, «субнациональный авторитаризм»¹), подразумевающее наличие конфликта местных и национальных элит, то в России запрос на «хозяина», судя по предвыборным баталиям на всех уровнях власти, представляет достаточно долгосрочную тенденцию. Причем, если в дореволюционной империи сложившаяся модель неразделяемой власти, контролирующей в своих границах все проявления социальной активности (самодержавие), опирается, прежде всего, на ту модель власти которая сложилась в крестьянской семье и общине

¹ О субнациональном авторитаризме подробнее см.: (Гельман 2010).

(Миронов 2003: 264–269), то в современных условиях преимущественно городского образа жизни выявление причин формирования современных неопатримоний представляет собой несомненный интерес, что можно подтвердить серьезным объемом публикаций, посвящённых как раскрытию механизмов функционирования властных групп (Власть и элиты 2014; 2015), так и отдельным аспектам жизни городского сообщества (Ледяев, Чирикова, Сельцер 2014).

Наиболее перспективным направлением в изучении власти на городском уровне выступает «теория городских политических режимов» (предложена К. Стоуном на основании изучения политической истории г. Атланты), сосредотачивающая свое внимание на действиях политических акторов, их объединениях и коалициях, а также на формальных и неформальных нормах, регулирующих их взаимодействие.

В отличие от «элитистов», в концепции политических режимов нет «детерминизма» социальной структуры, и предполагается большее значение собственно политических (субъективных) факторов. В отличие от «плюралистов», теория режимов объясняет происходящее в городских сообществах, как результат деятельности правящих коалиций и соглашений, а не свободной игры политических сил, оказывающих влияния на относительно нейтральные институты (Ледяев 2012: 171–172).

На какой основе может происходить это объединение? Что определяет интересы участников, заставляет их считаться друг с другом и выработать совместные стратегии поведения? На наш взгляд, в основе долгосрочных объединений политических акторов и, соответственно, типологизации политических режимов лежат их представления о феномене власти: либо как о самодостаточной ценности, либо как о средстве достижения иных целей. Эти две модели власти традиционно задают и рамки исследования. Как показал в своей работе В. Ледяев, обычно исследователи ориентируются на одну из

перспектив представлений о власти: как об асимметричном отношении, включающем в себя актуальный или потенциальный конфликт (Т. Гоббс, М. Вебер, Р. Даль, С. Льюкс и др.), или как коллективный ресурс, позволяющий добиваться общего блага и всеобщей выгоды (Аристотель, Платон, Т. Парсонс, Х. Арндт). И именно второй подход был в основе работы К. Стоуна, сместившего фокус анализа политических проблем от проблем установления власти («власти над») к проблеме способности властвующих добиваться реализации поставленных целей («власти для») (Ледяев 2012: 118–119). При этом подходе политика рассматривается больше, чем борьба, и ее конечной целью выступает обеспечение необходимого уровня кооперации для решения актуальных задач, вне всеобщей властной структуры и общей идеологии.

Так как любой режим описывается как совокупность политических акторов и политических институтов, то его ключевыми характеристиками могут быть два измерения: «монополия — полиархия» (есть или нет альтернативы доминирующему актору (оценивается через распределение голосов на выборах между лидером и оппозицией)) и «персонализм — безличность» (есть или нет единые и универсальные правила, действующие для всех участников политического процесса (оценивается как высокий или низкий контроль доминирующими акторами избирательного процесса и итогов голосования)). Совпадение показателей «монополии» и «персонализма» дает нам идеальный тип — «режим контроля», совпадение «полиархии» и «безличности» — шанс (режим может не состояться) на реализацию «режима координации».

При таком подходе режим «контроля» имеет много общего с неопатримониальным режимом. Концепция неопатримониализма разрабатывалась на материале стран «третьего мира» и постсоветских политических трансформаций. Особенностью неопатримониализма выступает частное присвоение политической власти группой, использующей ее для реализации собственных интересов.

Характерными признаками здесь выступают отделение центра принятия решений от периферии, отношения личной зависимости между обладателями высоких и низких политических статусов, асимметричный обмен услугами, слияние власти и собственности, монополизация правящей группой политических, экономических и символических ресурсов, ограничение доступа иных политических групп к ресурсному обеспечению и контроль над ними. (Фисун 2006: 164-165). Неопатримониализм не тождественен авторитаризму. Его критерием выступает персонализация отношений в противовес безличности, означающей уровень бюрократизации, а приоритет формальной нормы над личными лидерскими ценностями — «закона над понятиями». В неопатримониальных системах действует принцип «друзьям — все, врагам — закон», что означает предельную бюрократизацию жизни для одних групп населения (например, хорошо знакомый работникам Высшей школы «менеджмент качества») и предельное доверие для других (например, при распределении ресурсов) (Розов 2016).

Итак, в центре нашего внимания процесс борьбы за власть, создания тактических и стратегических союзов политических и экономических акторов, реализующих свои цели на территории крупного индустриального центра (Кемеровская область, город Новокузнецк) на протяжении последних двадцати лет. Кейс интересен тем, что, во-первых, город находится в регионе, в котором совокупная ресурсная рента производится в таких объемах, которые обеспечивают ему такое же место среди российских регионов, какое и Россия занимает в международном масштабе (Олейник 2011: 242). Во-вторых, большая часть промышленности региона сконцентрирована именно в Новокузнецке, что ставит его на 6-е место среди городов России по объему промышленного производства на душу населения и 10-е среди крупнейших промышленных центров страны (см подробнее: Промышленный каркас России 2012). На наш взгляд, политическая история города-донора представляет собой особый интерес как

история становления режима «контроля» в крупном индустриальном центре, где помимо серьезных экономических ресурсов, в 80-90-е гг. отмечалась высокая политическая активность населения.

В качестве эмпирической базы были использованы газетные публикации с 1988 по 2014 гг., материалы всех избирательных кампаний в городские органы власти (1990, 1997, 2001, 2006, 2010, 2013 гг.), архивные материалы, беседы и интервью с непосредственными участниками происходивших событий.

До 1991 г. — коалиция, основанная на идеологическом контроле и номенклатурном назначении (политико-административная элита — союз идеологов и промышленников). Высокий уровень авторитаризма, низкий уровень персонализма. Стратегия городского развития задавалась экономическими субъектами, руководство предприятий рассматривало город как особый социальный цех. Практически все административные и партийные посты занимали люди, начинавшие активную управленческую деятельность на металлургических и горнодобывающих предприятиях города и региона, но их назначение и карьера должны были быть согласованы с территориальными партийными органами.

С 1991–1997 гг. — период активного формирования конкурентных коалиций (в ходе конкурентной борьбы побеждает неидеологизированная коалиция администраторов, силовиков и бизнесменов).

Рост уровня демократии, снижение уровня бюрократизма. Идеологические линии противостояния до 1993 г., далее объединения вокруг персон, претендующих на занятие ключевых позиций. С 1-го августа 1991 г. идеологические баталии были перенесены на уровень горсовета, подчинившего себе исполнительную власть. Коммунисты и демократы находились в ситуации непримиримой борьбы по поводу тех или иных стратегических планов, «вызывали на ковёр» Администрацию города и, практически не занимаясь хозяйствованием, уделяли особое внимание процессу приватизации. С 1993 г. после

известных событий идеологические баталии утихли, и перед назначенной администрацией встал комплекс проблем, сводимых к простой формуле — «нет денег».

Выборы 1997 г. вскрыли основные властные группы, их экономические ресурсы и социальную базу. Наиболее сильным кандидатом считался В. Медиков, начинавший свою политическую карьеру ещё народным депутатом СССР, за которым стояли крупные политические фигуры (А. Чубайс, А. Лебедь), действующее руководство КМК, Запсиба и ряда крупных городских организаций. Не меньшей популярностью пользовался полковник милиции В. Медянцев, поддерживаемый компанией «МИКОМ», О. Сосковцом и В. Жириновским. Победитель — С. Мартин, набравший в ходе выборов 27 % голосов, на начальном этапе не рассматривался как серьёзная кандидатура.

С 1997–2002 гг. — период становления режима «контроля». Становление коалиции — ведущую роль играют политико-административные структуры, центр принятия решений постепенно смещается к региональным властям. Городские власти сформулировали «повестку дня»: «создание города, привлекательного для инвесторов». Как и во многих городах, в Новокузнецке стало активно развиваться строительство элитного жилья, торгово-развлекательных центров, реконструкция исторических памятников. Заголовки газет того времени начинались со слов: «Мэр работает, контролирует, одобряет» и т.д. В регионе и городе стала активно развиваться практика договоров о социальноэкономическом партнёрстве, направленная на обязательство владельцев и менеджмента предприятий поддерживать все властные инициативы. Те, кто с этим не соглашался, были вынуждены покинуть регион. Предприятия получали конкурентные преимущества, а власть — свободные денежные средства.

С 2002–2010 гг. — период закрепления «режима контроля». Происходит встраивание политико-административных структур в «вертикаль власти». Возможность муниципальных властей определять

местную конфигурацию управленческого аппарата, соучаствовать в выполнении социальных государственных программ, контролировать мелкий и средний бизнес на территории при условии лояльности к региональному и федеральному центру. Происходит смена части игроков, коалиция — уже не столько люди, выбранные первым лицом города, сколько неформальное сообщество носителей бюрократического ранга. Основную роль начинают играть собственники крупных предприятий, ориентированные на администрацию области.

К 2005–2006 гг. политическая борьба практически прекратилась, чему немало способствовало новое законодательство, особенно федеральный закон 2003 г. о местном самоуправлении и закон 2006 г. о выборах.

2010–2014 гг. — период внешнего разрушения локального режима «контроля» и формирования нового режима «контроля».

В апреле 2010 г. Совет народных депутатов в отсутствие мэра го рода принял решение об его отставке. За несколько месяцев до этого в городе, в том числе и на страницах печати, активно обсуждались финансовые злоупотребления в Новокузнецкой управляющей и Новокузнецкой энергетической компаниях. Дальнейшее развитие политических событий не представляет особого интереса, так как в городе было введено практически внешнее управление. В сентябре 2013 г. мэром города был выбран С. Кузнецов, имеющий в своём послужном списке работу в «ЕвразХолдинге» и самостоятельном бизнесе. С одной стороны, мэр постоянно подчёркивает необходимость работы на основании чётких регламентов, осуществления отбора в команду по принципу профессиональной компетенции, независимости принимаемых решений от финансовопромышленных групп; с другой, регулярно упоминает серьёзное влияние губернатора на формирование его политической карьеры, отсутствие собственной команды и необходимость лично принимать участие в решении множества

разноуровневых проблем (от ремонта канализации в одном из домов города до финансирования хоккейной команды).

Общий вывод исследования: в городе сформирован авторитарный персонализированный режим. Его организационное ядро (коалиция политических, экономических и силовых акторов) находится в основном вне городской территории и представляет собой систему сложившихся персональных иерархичных неконкурентных отношений между управляющими. Целью коалиции является регулярное извлечение и распределение ренты и контроль над политической и социальной активностью населения, осуществляемый через пропаганду региональной уникальности. Основным элементом здесь выступает вера в то, что стабильность и порядок в регионе и городе невозможно осуществлять вне рамок просвещенного авторитаризма и харизматического лидера — губернатора, носителя всех христианских добродетелей и единственного защитника социальной справедливости.

Истоки и причины формирования режима «контроля» можно рассматривать, как и неопатримониального, как «наследие прошлого» (Р. Пайпс, Т. Рот), «модернизационную травму» (Ш. Эйзенштат), сознательного и выборочного «отравления» институтов для регулярного извлечения максимальной ренты (В. Гельман) (Гельман 2014). Все три популярные гипотезы имеют под собой рациональные основания и находят свое подтверждение. Действующие властные коалиции во многом воспроизводят советские и силовые практики управления, что не удивительно, если учесть период профессиональной социализации их действующих лидеров. Неформальные нормы сформировались за очень короткое время в условиях «войны всех против всех», игр с «нулевой суммой», и первый период их деятельности был связан не столько с открытой личной рентой и ростом персонального потребления, сколько с поиском контролируемых средств для выполнения социальных обязательств.

Наша гипотеза состоит в том, что основной причиной формирования «режима контроля» отношений выступает

монопольная добывающая экономика региона, подчиняющая своим интересам другие отрасли хозяйства и не требующая большого количества рабочих рук на фоне высоких социальных обязательств и немобильного населения. В этих условиях политико-административные группы при помощи силовых ресурсов обеспечивают вход на региональный рынок только тем экономическим структурам, в лояльности которых они уверены.

Для проверки гипотезы мы собрали аналогичный комплекс данных по становлению и развитию властных групп по «противоположному» по исходным социально-экономическим факторам случаю — сибирскому мегаполису (г. Новосибирск), выделили в нем два района («промышленный» и «научный») в которых гипотетически должны сформироваться режимы «контроля» и «координации» и далее проверили свои выводы на других сибирских городах. Еще раз подчеркнем, что работа носит пилотажный характер и наша цель на этом этапе определить продуктивность и обоснованность предлагаемых нами идей.

Начнем с общих характеристик. Новосибирск — город, расположенный на территории 502,7 кв. километров, третий по численности населения в Российской Федерации (1584,1 тыс. человек), самое крупное муниципальное образование и самый быстрорастущий город мира. Основу экономики составляют промышленность (220 крупных и средних предприятий, в основном обрабатывающие и наукоемкие производства), торговля, сфера услуг (один из крупнейших в России региональных центров оптовой торговли), строительство (один из лидеров России по вводу жилья), транспорт (крупнейший узел Западной Сибири), наука и научное производство (центр академической и отраслевой науки азиатской части России). Город успешно развивается при отсутствии в регионе крупных

ресурсодобывающих предприятий, в чем и состоит его отличие от большинства сибирских городов¹.

Постсоветская политическая история — образец стабильности. В отличие от г. Новокузнецка, история складывания властных отношений в г. Новосибирске, это скорее история о том, как город подчинял себе область, через перемещение людей, занимавших ключевые позиции в системе городского управления на областной уровень. С 1992 г. (Индик Иван — первый мэр Новосибирска, а будущие мэр и губернатор — сотрудники его аппарата) и до 2014 г., когда мэром становится кандидат от коммунистической оппозиции А. Локоть (у него 43,96 % голосов, а за кандидата от «Единой России» Владимира Знаткова — 39,46 %), мы видим в течение довольно длительного периода череду побед с серьезным перевесом на городских и областных выборах коалиции, объединенной вокруг Виктора Толоконского. В 1996 г. он побеждает на выборах мэра с 79,74 % голосов и становится впоследствии губернатором Новосибирской области и далее Красноярского края. В городе его сменяет на этом посту его заместитель Виктор Го родецкий (2000 г. — 73,22 %; 2004 г. — 58,91 %; 2009 — 73,22 %), он же с 2014 г. губернатор Новосибирской области.

Если мы рассмотрим итоги голосования на общероссийских выборах (принято считать, что на общероссийских выборах избиратель голосует за идеологию, на местных за ресурсы), то здесь мы увидим результаты значительно отличные от областного и от общероссийского волеизъявления электората. Так в 1993 г. при лидерстве ЛДПР второе место занимает «Яблоко» (в области — шестое). В 1996 г. при том, что в целом Новосибирская область голосует за Зюганова (22,5 % — по городу, 34,96 % по области в первом туре), город голосует за Ельцина (32,71 % против 25,61 %), во втором туре сохраняется та же тенденция. В 2011 г. на выборах в Государственную Думу «Единая Россия» получает 27,59 % (33,84% в области), КПРФ — 30,25 % (30,25 % в области). И,

¹ Подробнее см.: (О Новосибирске 2016).

наконец, как уже было сказано, в 2014 г. мэром города становится представитель КПРФ, до этого победивший на праймериз между кандидатами от оппозиции (в силу чего остальные претенденты сняли свои кандидатуры). Таким образом, если ориентироваться на критерий А. Пшеворского: «Демократия, это такое политическое устройство, в котором правящая партия может проиграть выборы» (Пшеворский 1999), городской режим можно характеризовать, как демократический.

С признаками неопатримониализма здесь ситуация сложнее. Город время от времени сотрясают криминально-политические события: от убийств вице-мэров до мелких коррупционных скандалов с последующими возбуждениями и судами, что может интерпретироваться и как слияние власти и собственности, так, как и их принудительное разделение. На городском уровне нет явных признаков персонализации власти, слияния власти и собственности и использования силовых ресурсов. Мнения экспертов здесь тоже существенно различаются: от характеристик городской системы и отдельных ее элементов как безличных, функционально-бюрократических, так и описания ее как «патронажно-клиентельной»: «если у нас из администрации выгнать родственников, друзей, любовников, любовниц и собутыльников, то работать будет некому». С большей уверенностью можно говорить о неопатримониальной системе в 90-е гг. (впрочем, формирование близких, по сути, субнациональных режимов в переходной экономике — это общероссийская тенденция), с меньшей — в настоящее время.

Сделаем попытку разобраться в этом вопросе, спустившись еще на один уровень управления ниже, уровень районных администраций. Сопоставим политическую жизнь в двух районах г. Новосибирска: Советском и Калининском. На этом этапе исследования в фокусе нашего внимания находятся только ландшафтные и социально-экономические характеристики районов и электоральное поведение. Районы (при всей условности такого сопоставления, автор считает его вполне допустимым) выбраны, с одной стороны, как некоторые

аналоги американских городов: г. Атланты, где были проведены классические исследования Ф. Хантера, К. Стоуна, и г. Нью-Хейвена, где работал Р. Даль, с другой, как диаметрально противоположные по многим характеристикам (северный — южный; выделен как часть городского района — образован из деревень; промышленный — научный). Для того, чтобы получить представления о ландшафтных, социальных и культурных характеристиках выбранных районов, воспользуемся официальными данными и полевыми алгоритмами, предлагаемыми в рамках новой урбанистики (оформление въезда, наличие общественных пространств, мусор, музеи и выставки, архитектура и связь районов, событийность, характеристики местных СМИ), и опытом описания городского районного ландшафта¹.

Калининский район, образован в 1980 г. за счет выделения из Дзержинского района предприятий министерства среднего машиностроения и, соответственно, подконтрольных Министерству Обороны. Население 194 тыс. человек, из которых 49 % — пенсионеры. Наибольший удельный вес предприятий в торговле, недвижимости, промышленности и строительстве. 20 крупных, среди которых обычно выделяют ОАО «Новосибирский завод химконцентратов», ОАО ПМСП «Электрон», ФГУП «Север» и строительный «Энергомонтаж»². Центр района — проспект Богдана Хмельницкого (по легендам до 1953 г. Л. Берии), одна из красивейших улиц города, симметрично окруженная разноцветными трех-четырёхэтажными домами. В районе пять избирательных округов, каждый из которых обладает своей архитектурной спецификой, большая часть района построена в благополучный «брежневский» период, два образцовых микрорайона в 80–90 гг., есть частный сектор и район рабочих бараков. Хорошо связан с другими районами города, чистый и, судя по отзывам, достаточно

¹ Здесь за основу взяты подходы, обозначенные в видеолекциях и материалах: (Мурунов 2016; Осипова 2016).

² Подробнее см.: (Калининский район 2016).

комфортный. В музее района представлены пять оборонных предприятий города (портреты руководителей, графики выпуска и награды), военная экспозиция от Великой Отечественной войны до современных конфликтов, и, отдельно, пианино и альбом дореволюционной барышни, что, судя по всему, должно символизировать непрерывность традиций с началом века. Ежемесячная газета «Калининские новости» представлена на сайте администрации района и выполнена в формате советского производственного издания.

Советский район образован в 1958 г. из нескольких деревень по обеим сторонам Оби, в связи с созданием СО АН РАН и Новосибирского научного центра. Население 139400 жителей. Из 6913 организаций, расположенных на территории, 25 крупных и средних с основным видом деятельности «промышленность» (ОАО «15 Центральный авторемонтный завод», ОАО НЭМЭ «Тайра», ОАО «РусГидро» — «Новосибирская ГЭС»). Главная особенность Советского района — высокая концентрация научно-исследовательского потенциала: 44 научно-исследовательских института, организации и учреждения, Новосибирский государственный университет, а также «Технопарк Новосибирского Академгородка»¹. Необходимо учитывать, что весь научный комплекс — это один из четырех избирательных округов, расположенных на территории Советского района. Район смело называет себя научным и подчёркивает это на въездных вывесках, Общественные пространства лучше всего представлены лесом и приморским пляжем, в районе несколько музеев. Сам музей Советского района в основном сосредоточен вокруг трех тем: «повседневность деревни», «строительство ГЭС» и «детство». Архитектура самая разная: центр Академгородка — «хрущевки», фешенебельные дома «сталинского типа» и небольшое количество современного элитного жилья по самым дорогим в городе ценам, левый

¹ Подробнее см.: (Советский район 2016).

берег — советские панельные здания, окруженные частным сектором. Удаленность от города и пробки на основной магистрали значительно осложняют перемещения в центр Новосибирска и обратно. Здесь достаточно много разнообразных печатных и электронных СМИ.

Интересен ход и итоги избирательных кампаний на территории районов¹. На общенациональных выборах существенных различий мы не обнаружили, хотя в 2011 г. Советский район оказался значительно более «коммунистическим» и «прояблочным» (39,16 за КПРФ и 8,93 % за «Яблоко»). Итоги выборов в местные органы власти позволяют предположить, что в Калининском районе мы имеем дело скорее с доминированием одной коалиции, в Советском районе — с полиархией. Формирование и состав этих групп власти еще предстоит выяснить. Судя по итогам выборов 2000 г., районы по уровню конкуренции (количество претендентов и разница голосов между победителем и ведущим оппонентом) мало отличались друг от друга, но уже с выборов 2005 г. в округах, расположенных на территории Калининского района, процент голосов между избранным в депутатский корпус и вторым кандидатом различается в два, а иногда и в четыре раза. Так, например, трижды избранный по 15 округу (рабочий поселок Пашино) самовыдвиженец, кандидат в депутаты В. Илюхин, ставший впоследствии руководителем фракции «Единой России» (на последних выборах вышедшей из нее со скандалом и возглавивший сейчас «Родину») получает 49,6 % голосов, его ближайший соперник коммунист Микерин В. — 12,7 %. В округах Советского района в это самое время кандидатов на посты больше, набранных голосов у них меньше и разрывы обычно укладываются в 10–

15 %. Эта тенденция сохранялась в течении последних десяти лет и была подтверждена на выборах 2015 г. Идеологически депутаты Калининского района представляют партии и движения национально-патриотического плана. Отметим, что еще в 1996 г. одним из самых

¹ Подробнее см.: (Прошедшие избирательные кампании 2016).

серьёзных конкурентов В. Толоконского был П. Лапков из этого района, поддерживаемый КРО, Русским национальным собором и КПРФ. Политическая панорама Советского района более сложная. Судя по результатам последних выборов, на территории округа, где расположен научный центр, имеет некоторую поддержку демократическая оппозиция, в других, — хотя и проигравшая с небольшим отрывом партии власти, коммунистическая.

Далее мы просмотрели ситуацию по выделенным параметрам режима в городах, близких по характеристикам к Новосибирску и Новокузнецку. Цифра перед знаком — место в рейтинге промышленных городов. Наличие политической альтернативы на выборах с 2000 г. обозначим «+», ее отсутствие «-»; попадание в список честных городов «+», не попадание «-». Если по имеющимся данным по городу ситуация остается неясной, то ставим «?». Москву, Санкт-Петербург и нефтедобывающие города здесь мы не рассматриваем.

Города «близкие» к Новокузнецку. Часть из них входят в первую двадцатку городов с наибольшим промышленным потенциалом, специализируются на добыче, первичной обработке природных ресурсов и черной металлургии, а также они лидируют по объему промышленного производства на душу населения: Норильск «8 место, + ?», Челябинск «9 место, + ?», Череповец «11 место, + ?», Новокузнецк «10 место, — -», Липецк «14 место, + +», Магнитогорск «15 место, — -».

Новосибирская группа (только крупные города). Здесь в отличие от центров сырьевой экономики основу промышленности составляют машиностроение, наукоемкие области и пищевая промышленность: Екатеринбург «24 место, + +», Самара «27 место, + -», Нижний Новгород (32 место, + -), Новосибирск «34 место, + +», Ростов на Дону «38 место, — -».

Таким образом, наши предположения отчасти подтвердились: численность населения, политический статус, тип и масштаб расположенного на территории бизнеса имеют значение. Авторитарные персонализированные режимы контроля формируются

в средних (полумиллионных) городах, не административных центрах регионов, с преобладанием крупных предприятий сырьевого сектора и металлургии. Далее необходим анализ стратегий корпораций, так как в каких-то случаях они подчиняют себе регион, переводя выходцев из предприятий в мэры городов и далее на ключевые региональные позиции (Магнитогорск, Череповец), или становятся лояльным союзником областной администрации (Новокузнецк). В целом, здесь нет какой-то российской уникальности, многие процессы формирования властных отношений вполне объясняются и сопоставимы с результатами сравнительных исследований в американских городах. Общий итог исследования представим следующим образом:

Городской политический режим, основанный на одной из моделей власти («контроль» или «координация») выступает как следствие экономических, социальных, культурно–исторических условий, за которыми просматриваются индивидуальные и групповые стратегии, направленные на увеличение объемов подконтрольных ресурсов. Если считать, что «хозяин» — тот, кто единолично устанавливает и меняет «правила игры» на территории, то такого «хозяина» в крупном мегаполисе при режиме «координации» нет.

Политическая, социальная и экономическая история двух районов крупного мегаполиса в поздний советский и постсоветский периоды (с 1989 по 2015 гг.) показывает, что с уменьшением разнообразия экономических и идеологических субъектов формируется модель «контроля», с увеличением — модель «координации».

Основными факторами становления модели власти «координации» выступают: производственная (не сырьевая) экономика, мобильное население, возможности экономического роста. В ситуации, когда на городской территории есть несколько независимых экономических, административных, силовых и идеологических центров с сопоставимыми ресурсами, наиболее рациональная стратегия политических акторов заключается в том, чтобы считаться с

интересами друг друга и вырабатывать общие и безличные «правила игры».

Ориентация на экономический рост будет со временем (как это уже происходило и происходит в американских городах) сталкиваться с ростом гражданской активности, направленной на стабилизацию территориального пространства и выдвигающей требования к снижению экономической активности крупных экономических субъектов.

Литература

Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2014. Т. 1.

Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015. Т. 2.

Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15 СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2014. 44 с.

Гельман В.Я. Субнациональный авторитаризм в современной России // Сайт «Полит.ру». Публичные лекции Полит.ру. 23 сентября 2010 г. URL: <http://polit.ru/article/2010/11/17/avtoritarism/> (дата доступа: 14.07.2016).

Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ. 2012. 472 с.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.

Мурунов С. Урбанистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X1BVexLnED0> (дата доступа: 14.07.2016).

О Новосибирске // Официальный сайт города Новосибирск. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/numbers/> (дата обращения 10.10.2016).

Овчинников Б. Сто восемьдесят честных городов России // Сайт Троицкий вариант 2012. [URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykhgorodov/>] (дата обращения 1.08.2016)]

Олейник, А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов [Текст] / А.Н. Олейник. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 441 с.

Осипова О. Ландшафты районов Нижнего Новгорода в исторической перспективе: архитектурные и социальные // Сигма [Электронный ресурс].

2016. URL: <http://syg.ma/arsenal-nlo/landshafty-raionov-nizhniegho-novghorodav-istorichieskoi-pierspiektivie-arkhitiekturnyie-i-sotsialnyie> (дата доступа: 14.07.2016).

Калининский район // Официальный сайт города Новосибирск. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/kalin/> (дата обращения 10.10.2016).

Промышленный каркас России. 250 промышленных центров страны // Сайт Урбаника. 2012. [URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2012/02/Statya_Promkarkas-Rossii_250-promcentrov-strany.pdf (дата обращения 1.08.2016)]

Прошедшие избирательные кампании // Официальный сайт Новосибирской городской муниципальной избирательная комиссии. URL: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/ (дата обращения 15.12.2016).

Пиеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ. под ред. В.А. Бажанова. М.: РОССПЭН. 1999.

Розов Н. С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 139–156. (DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10>)

Советский район // Официальный сайт города Новосибирск. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/sovet/> (дата обращения 10.10.2016).

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88-105. (DOI: [10.17976/jpps/2014.02.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.07))

Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа. 2006.

“WHO IS THE MASTER?”: GENESIS AND DEVELOPMENT OF POWER MODELS IN VARIOUS DISTRICTS OF SIBERIAN MEGALOPOLIS

Y. Pustovoyt

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.8>

Abstract. *The study aimed at studying the power groups in the urban community, considered in the framework of the concept of urban political regimes. Why and under what conditions in one case are formed modes focused on the dominance of one actor, able to change the «rules of the game», and in another the possibility of political actors is limited? Method of testing hypothesis is the comparison and analysis of the opposite cases in two cities: a major industrial center of Siberia, which consisted of a regime of «control», and the Siberian metropolis, where, presumably, formed the «coordination mode»; in two districts of the same city on the opposite socio-economic characteristics and Russian cities close to the structure of the industry. The obtained data allow to assume that the reason the formation of relations of «control» based as a monopoly mining the region's economy and strategies of the leading actors.*

Keywords: *urban political regime, elitism, pluralism, the political elite, district, megalopolis, capital.*

References

Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G., Sel'tster D.G. Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfi guratsiya i vzaimodeystviye osnovnyh aktorov [Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G., Sel'tster D.G. Power in small Russian town: the configuration and interaction of the main actors], *Polis*, 2014, 2, pp. 88–105. (In Russian)

Fisun A.A. Demokratiya, neopatrimonializm i globalnye transformatsii [Fisun A.A. Democracy, neopatrimonialism and global transformations]. Kharkov: Konstanta, 2006. (In Russian)

Gelman V.Ya. Modernizatsiya, instituty i “porochny krug” postsovetetskogo neopatrimonializma [Gelman V.Ya. *Modernization, institutions and the “vicious circle” of post-Soviet neopatrimonialism*]. Preprint M-41/15. SPb: Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2014. 44 pp. (In Russian)

Gelman V.Ya. Subnatsional’ny avtoritarizm v sovremennoy Rossii [Gelman V.Ya. *Subnational authoritarianism in contemporary Russia*], Website “Polit.ru”. Public lecture, September 23, 2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/11/17/avtoritarizm/> (available: 14.07.2016). (In Russian)

Kalininsky rayon [Kalininsky district], *The Official website of the city of Novosibirsk*, URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/kalin/> (available: 10.10.2016). (In Russian)

Ledyaev V.G. Sotsyologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo izucheniya vlasti [Ledyaev V.G. *Sociology of power. Theory and empirical research of power*]. Moscow: Izdatel’skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. (In Russian)

Mironov B.N. Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): V 2 t. 3-e izd., ispr., dop. [Mironov B.N. *Social history of the Russian Empire (XVIII — beginning of XX century)*: In 2 vols. 3rd rev. and ext. ed.] St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. (In Russian)

Murunov S. Urbanistika [Murunov S. *Urbanism*], Website “Yuotube”, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X1BVexLnED0> (available: 14.07.2016). (In Russian)

O Novosibirske [About Novosibirsk], *The Official website of the city of Novosibirsk*, URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/numbers/> (available: 10.10.2016). (In Russian)

Oleynik, A.N. Vlast i rynok: sistema sotsialno-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii “nulevykh” godov [Oleynik, A.N. *Power and market: an economic and social system of domination in Russia in 2000s*]. M.: Rossyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. (In Russian)

Osipova O. Landshaft y rayonov Nizhnego Novgoroda v istoricheskoy perspective: arhitekturnye i sotsial’nye [Osipova O. *Landscapes of the Nizhny Novgorod districts in historical perspective: an architectural and social ones*], Website *Sigma*, 2016. URL: <http://syg.ma/arsenal-nlo/landshafty-raionov-nizhniegho-novghoroda-vistorichieskoi-pierspiektivie-arkhitiekturnye-i-sotsialnyie> (available: 14.07.2016). (In Russian)

Ovchinnikov B. Sto vosemdesyat chestnykh gorodov Rossii [Ovchinnikov B. One hundred eighty honest cities of Russia], *Website Troitsky variant* 2012. [URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/>] (available: 1.08.2016)] (In Russian)

Promyshlenny karkas Rossii. 250 promyshlennykh tsentrov strany [Industrial framework of Russia. 250 industrial centers of the country], *Website Urbanika*, 2012. [URL: http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2012/02/Statya_PromkarkasRossii_250-promcentrov-strany.pdf] (available: 1.08.2016)] (In Russian)

Proshedshiye izbiratel'nye kampanii [The last election campaigns], *The Official website of Novosibirsk city municipal election Commission*, URL: http://izbirkom.novo-sibirsk.ru/vibory_archive/ (дата обращения 15.12.2016).

Przeworski A. Demokraciya i rynek: Politicheskiye i ekonomicheskiye reformy v Vostochnoy Yevrope i Latinskoy Amerike / Per. s angl. pod red. V.A. Bazhanova [Przeworski A. *Democracy and market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*]. Moscow: ROSSPEN, 1999. (In Russian)

Rozov N.S. Neopatrimonialnye rezhimy: raznoobraziye, dinamika i perspektivy demokratizatsii [Neopatrimonial regimes: diversity, dynamics and prospects of democratization], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2016, 1, pp. 139–156. (In Russian)

Sovetsky rayon [Soviet district], *The Official website of the city of Novosibirsk*, URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/districts/sovet/> (available: 10.10.2016). (In Russian)

Vlast i elity [Power and elites], gl. red. A.V. Duka. SPb.: Intersotsis. 2014. t. 1. (In Russian)

Vlast i elity [Power and elites], gl. red. A.V. Duka. SPb.: Intersotsis. 2015. t. 2. (In Russian)